

С. А. Юрис

Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого, Гомель

Е. П. Нарижная

Республиканский институт высшей школы, Минск

Т. А. Юрис

Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации, Гомель

S. A. Juris

Sukhoi State Technical University of Gomel, Gomel

H. P. Narizhnaya

National Institute for Higher Education, Minsk

T. A. Juris

Belarusian Trade and Economics University
of Consumer Cooperatives of Gomel, Gomel

УДК 271.2-786:94(476)''16/18''

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (XVI–XVII ВВ.)

ORTHODOX FRATERNITIES IN URBAN SPACE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (XVI–XVII CENTURIES)

В статье предпринята попытка рассмотрения деятельности православных братств на белорусских землях в динамике их развития от узкосословных корпоративных объединений до всесословных крупных городских религиозных организаций, создававших социокультурный ландшафт городской среды конца XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Православные братства; благотворительная деятельность; братские школы и книгоиздательство; церковная уния; культура Беларуси конца XVI–XVII вв.

The article attempts to examine the activities of Orthodox fraternities on Belarusian lands in the dynamics of their development from narrow-class corporate associations to all-class large urban religious organizations that created the socio-cultural landscape of the urban environment of the late 16th – 17th centuries.

Keywords: Orthodox fraternities (brotherhoods); charitable activities; brotherhood schools and book publishing; church union; the Belarus culture in the late 16th – 17th centuries.

Исследования церковной истории и векового стремления православной церкви к соборности сегодня особенно актуальны, исходя из непрекращающихся попыток различных политических сил расколоть единство Русской

православной церкви, навязать идеи автокефалии с недооценкой угроз возможных социально-политических потрясений, а также недостаточной актуализации постреформенной истории общества на восточнославянских землях Речи Посполитой с конца XVI–XVII вв. вследствие принятия Брестской унии 1596 г.

Наиболее важный вклад в разработку истории взаимоотношений церкви и православных братств периода Великого Княжества Литовского внесли в дореволюционной историографии А. А. Миловидов, К. В. Харлампович, Ф. А. Жудро, М. О. Коялович, А. А. Папков [1–2]. В советский период данная проблематика стояла в центре внимания Е. Н. Медынского, М. В. Дмитриева, Я. Д. Исаевича, В. П. Мещерякова, А. П. Грицкевича и др. [3–4]. Все это позволило собрать и проанализировать огромный фактический материал по белорусским и украинским землям в рамках различных конфессий периода XV–XVIII вв. и состоянию братских организаций в различные периоды их существования, взаимодействию государства и церкви. Современные труды Ф. А. Дорофеева, С. С. Лукашовой, О. А. Фефеловой, Ю. Э. Шустовой, С. В. Брича (Сергия), Н. В. Гарковича, Г. Я. Голенченко, Е. Е. Барсук, А. А. Скепьян [5–11] позволяют уже более взвешенно и без советских идеологических штампов подойти к осмыслению столь многогранного явления как корпоративная культура братских религиозных общественных организаций в социально-экономической, социально политической и духовной жизни городов.

Под братствами в наиболее общем смысле понимаются «самоуправляющиеся организации мирян в рамках какой-либо религии, созданные вокруг своего храма с религиозными, политическими, социально-бытовыми и иными целями, закрепленными в уставе или традиции» [7, с. 29]. На протяжении становления и развития христианства братские организации играли более или менее заметную роль в духовной и социально-экономической жизни общества, в зависимости от политического контекста. Первое, известное нам на белорусской земле братство, было создано в Полоцке. В Ипатьевской летописи под 1159 г. сообщается, что жители Полоцка приглашали князя своего Ростислава к церкви Пресвятой Богородицы на Покров день [7, с. 54] на братчину (вариант агапы, пира). Подготовка к христианскому празднеству предполагала совместный вклад представителей местной общины в общее застолье после литургии и содействовала развитию тех местных промыслов и ремесел, продукция которых была в первую очередь востребована в ходе богослужений, иной обрядности церкви, возведения храмово-монастырских комплексов и пр. Неудивительно, что первичная кооперация братчиков, постоянная взаимопомощь членам религиозной общины помогла им на протяжении веков поддерживать свое существование и сохранять те или иные ремесленные и промысловые традиции поселений вплоть до XIX в.

Примером могут служить религиозные братства, известные на восточных землях Речи Посполитой, прежде всего, как медовые. Сам термин «медовые» братства также стал в XIX в. активно употребляться в российской исторической науке. Обычай ритуального употребления хмельных напитков столь древний и устойчивый пролонгировал бытование «медовых» объединений. Изготавливалась большая свеча, распевались молебны и устраивалась общая в складчину трапеза, к которой варили пиво, сытили мед, а воск, приношения и полученную прибыль отдавали на церковные нужды. Ряд привилеев великих князей Великого Княжества Литовского свидетельствует о стародавности обычая сычения прихожанами меда, варения пива с целью получения средств для приходской церкви. Однако заметной роли в жизни общества к концу XVIII в. эти братства уже не играли.

Помимо «медовых» в позднем Средневековье на белорусских землях функционировали и другие однословно-профессиональные учреждения корпоративного характера: братства кушнерские (скорняжные), братства ноговичников (чулочников), братства купеческие и т. п. В этот период достаточно сложно разделить братства (ремесленные цехи) и собственно религиозные братства, так как еще в XVI в. термин «братство» употреблялся для обозначения и тех, и других. Под братствами могла пониматься просто группа мирян, что следует из королевских грамот Сигизмунда II Августа мещанам Дисны 1569 г., дозволявшим братствам кануны, праздники годовые устраивать два раза в год [12, с. 167].

При всей преемственности «медовых», ремесленных, общинных братств, их различия с церковными братствами к последней четверти XVI в. становились все более заметны. В это время последние развиваются в русле общих тенденций братского движения и как большинство союзов мирян пытаются создать собственную богадельню – «шпиталь». Однако специфической чертой религиозных братств данного периода является стремление к основанию школ и контролю над образовательной сферой, а у более обеспеченных из них даже к основанию типографий. Все это происходило на фоне тенденции усиления вмешательства церковных братств в обрядово-богослужebную практику церкви, накала конфликтов с церковной иерархией и, как следствие, необходимости разработки аргументации для обоснования собственных взглядов, что, собственно, и делалось в полемических произведениях, выходявших из братских типографий [8, с. 68].

Подобная активизация самоуправления, деятельности братств по повышению уровня религиозного самосознания и просвещения была вызвана внешней причиной. До реализации унияонных планов отношения между православными и католическими братствами носили относительно спокойный характер, мещане-братчики были сосредоточены на получении некоторых функций управления общественной жизнью как сословные организации на праве патроната, что позволяло им расширять собственное

влияние в городской среде, зачастую регулируемой магдебургским правом. Во второй половине XVI в. положение православной церкви на белорусских землях изменилось в худшую сторону. Католичество закрепилось, как подерживаемая государством конфессия, реформационное движение привело к распространению протестантских церквей, набиравшая силу униатская церковь, также опираясь на государство, перетягивала верующих на свою сторону. После подписания Брестской унии 1596 г. начались конфликты Виленского Троицкого и Брестского Никольского православных братств с католиками и униатами. Следовательно, хотя православные братства конца XVI в. создавались не для защиты веры [8, с. 105], однако, именно ответный протестный аспект деятельности братств привел к развитию их миссионерского служения церкви, что сделало церковные братства заметным феноменом городской среды Великого Княжества Литовского при протекции сочувствующих им представителей иных сословий – духовенства и шляхты. Как отмечено в Баркулабовской хронике, «пачалі ў Львове, у Берасці і ў Вільні ў школах вучыць і кнігі друкаваць, нейкае брацтва ўсталёўваць і тым самым закон ды веру ўмацоўваць» [13, с. 224].

При попытке рассмотрения деятельности одного из первых братств Киевской православной митрополии Константинопольского патриархата – Виленского ставропигиального при Троицком монастыре (1584) [9, с. 16] – выявляется проблема ограниченного круга источников по данному вопросу. Конечно, Виленское Троицкое братство не было единственным в городе, там уже существовали кушнерское (1458 г. основания) и купеческое (ранее 1582 г.) братства, а также Пречистенское (1582 г. в россоком предместье) [8, с. 150]. Тем не менее, именно Троицкое стало самым влиятельным на протяжении двух столетий. Известно, что в пожертвованных и приобретенных домах братство уже в 1584 г. смогло открыть собственную школу, а в 1588 г. его деятельность благословил Константинопольский патриарх Иеремия, приезжавший в Вильну.

Как подчеркивает О. А. Фефелова, только архивы Львовского Успенского, Луцкого Крестовоздвиженского и Киевского Богоявленского братств были изданы компактно, остальные находятся в разрозненном состоянии в различных архивных коллекциях. Так, документы по Виленскому Троицкому братству содержатся в актовых материалах, опубликованных Археографическими комиссиями в Вильне и Санкт-Петербурге. Например, там присутствует привилей короля Сигизмунда III от 21 июня 1589 г., привилеи 1592 г. от 9 октября, освобождающие братчиков от всех городских повинностей, закрепляющие за ними право на открытие школы и типографии [6, с. 87–88].

В 1593 г. Виленское СвятоТроицкое братство пригласило к себе Стефана Зизания, который стал дидакалом Виленской братской школы. Долгое время считалось, что теологические труды Стефана Зизания не сохранились. Однако в исследовании Н. В. Гаркович (Минск, 2019) отмечается,

что до наших дней дошли четыре его произведения [10, с. 5]. Основным сохранившимся трудом, позволяющим раскрыть общественную позицию и богословские взгляды Стефана Зизания является «Объяснение Изложения Никейского, и Константинопольского Символу, двенадцати артыкулов Веры Христианское» (Вильна, 1595), который также считался утерянным. В полемику с ним вступали Мелетий Смотрицкий, иезуит Ф. Жебровский [11, с. 61.], можно сказать, что где бы ни преподавал Стефан Зизаний, его деятельность становилась заметным явлением в местной духовной и культурной жизни.

В начале XVII в. политическая составляющая в деятельности братства усилилась, что было вызвано необходимостью борьбы за сохранение братства и православия в Вильне. Король Сигизунд III оставил за братством дом по результатам тяжбы от 10 февраля 1596 г. [6, с. 88], однако после смерти в 1599 г. униатского митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Михаила Рогозы его сменил активный православный диссидент Ипатий Потей, который сконцентрировал свои усилия на попытках вытеснения братства из Троицкого монастыря. Преемник повел столь ожесточенную борьбу с православием в Вильне, что виленское братство опротестовало назначение Потей и внесло 14 декабря 1599 г. свой протест в городские книги [2, с. 33]. До этого в 1598 г. на праздник Пасхи случилось нападение студентов Виленского иезуитского коллегіума на Свято-Духовский православный монастырь [6, с. 88], что не снижало градус противостояния в городской общине. Ипатию Потейю все же удалось постепенно расколоть Виленский магистрат, часть членов которого перешла на сторону униатов. В 1605 г. Троицкий монастырь был отнят у православных в пользу униатов, а братство вынуждено перенесло свою деятельность в монастырь Святого Духа.

С этого времени прежнее Виленское православное Троицкое братство надлежит именовать Свято-Духовским братством [2, с. 37]. Братчики продолжали заниматься активной издательской деятельностью, печатая свои книги то в Евье, принадлежавшем в то время князьям Огинским, то в типографиях Вильны. Помимо этого, Виленское православное духовенство опираясь на Свято-Духовское братство, в начале XVII в. предпринимало юридические усилия по защите своего имущества (домов, фольварков), православной веры, говоря о чинимых обидах и принося жалобы в главный Виленский суд (30 ноября 1608 г.), Виленскому королевскому наместнику (16 декабря 1608 г.) и др. [2, с. 44–45]. Эти выступления заканчивались поражением для православной Вильны, что все же не останавливало сопротивление братства, особенно после появления в 1608 г. при монастыре униатского братства, предъявившего претензии на типографию. Нужно отметить, что данная борьба выявляла полемический талант у противников и сторонников Брестской унии, активизировала общественно-политическую мысль того времени.

Так, к числу выдающихся учителей Виленской братской школы принадлежит Мелетий Смотрицкий, православный церковный деятель в Речи Посполитой, филолог, публицист (к концу жизни принял униатство). Его наиболее известное учебное издание «Грамматика словенска» (1619). Она была настолько совершенна, что стала основой церковнославянской грамматической науки на двести лет вперед, выдержала множество переизданий и переводов.

Стоит отдельно сказать и об одном из учеников Виленской братской школы – Сильвестре Косове (около 1597–1600 – 13.04.1657). Дальнейшее образование он продолжил в Киевской братской школе, затем в Люблинском иезуитском коллегиуме и Замойской академии. В 1631 г. Сильвестр Косов стал преподавателем риторики и философии высшего Киевского училища, называемого «Гимназиумом», впоследствии соединившегося с Богоявленской Братской школой. В Беларуси он вновь появился в 1633 г., когда был назначен, а в 1635 г. хиротонисан во епископа Мстиславского, Оршанского и Могилевского с поручением ему управления Полоцкой епархией. Сильвестр Косов стал известен как автор произведений «Апология школам киевским» (Elegesis, изд. лаврское, 1635) и «Патерик Печерский». Они представляют собой очерки истории православия на белорусских и украинских землях [11, с. 87]. С 1647 г. Сильвестр Косов возглавил Киевскую митрополию, стал митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси, экзархом Константинопольского престола.

Вслед за Виленской братской школой возникают другие: Брестская, Могилевская, Минская, Бельская, Пинская, Оршанская, Слуцкая, Ельненская, Шкловская, в Евье, при Боркулабовском монастыре в Кутейно [4, с. 18; 14].

Братство в Бресте оформилось при церкви св. Николая, его устав давался по образцу Виленского Троицкого и Львовского Успенского братств. Интересно, что ему покровительствовал среди других сановных лиц каштелян Адам Потей (будущий униатский епископ Ипатий). 28 января 1591 г. была издана подтверждательная королевская грамота Сигизмунда III брестским православным мещанам иметь братство и русскую школу при нем: «...Позволяем мещанам Берестейским закону Греческого... школу Рускую при церкви соборной... мети» [15, с. 38]. Учителями братских школ, как правило, становились после испытания, необходимо было провести пробный урок. Здесь просматривается некая аналогия: чтобы стать мастером ремесленного цеха нужно изготовить шедевр, чтобы стать учителем – хорошо провести урок.

Одним из знаменитейших учителей Брестской братской школы был Лаврентий Зизаний (с 1592 г.), а с 1595 г. до 1600 г. он преподавал в Виленской братской школе, причем в 1595–1596 гг. был ее ректором [4, с. 25–26]. Именно в Вильне в 1596 г. Лаврентий Зизаний издал «Азбуку» и «Грамматику словенскую», книги, принесшие ему широкую известность.

Могилевское братство в конце XVI в. оставалось заметной силой в городе, так как все должностные лица магистрата входили в состав Спасского братства, существовавшего при одноименном монастыре и имевшего школу. В ней в 1601 г. преподавали трое учителей (бывших в то же время и братскими проповедниками), а именно Котковский, Фома Тоборович и Радка [16, с. 337]. Полоцкий униатский епископ Гедеон Брольницкий смог выгнать Спасское братство из одноименного монастыря, и братчики перенесли свою деятельность в церковь Входа Господня в Иерусалим. Король Речи Посполитой Сигизмунд III утвердил в Могилеве братство при церкви Входа Господня в Иерусалим в 1602 г. вместе с училищем [16, с. 338].

Могилевское братство активно взаимодействовало с другими православными братствами, прежде всего со Львовским Успенским братством, так как устав давался по его подобию. В письме от 6 июля 1605 г. Львовское Успенское братство, отмечая, что могилевские братчики «стали лицом к светозарному Востоку солнца, Иисусу Христу, как одно тело и члены одной главы – Христа», приглашало Могилевское братство к совместной посылке послов в апреле 1606 г. к Константинопольскому патриарху [16, с. 338].

Центром православия в Полоцке на долгое время стал братский Богоявленский монастырь [17, с. 235], после того как была ликвидирована Полоцкая православная епархия (1596). Начало Полоцкой братской школе было положено в 1633 г., когда brasлавский земский судья Севастьян Мирский подарил Богоявленской церкви половину плаца с правом постройки «школы для науки детям христианским» [17, с. 499].

В условиях межконфессиональной борьбы православные братства разрабатывали и распространяли идею православного восточнославянского единства как одного из средств укрепления церкви. В 1655 г. игуменом Богоявленского монастыря в Полоцке стал приверженец этой идеи Игнатий Иевлевич, педагог-просветитель, ранее преподававший в Киево-Могилянской академии. Он собрал вокруг себя кружок бывших преподавателей и студентов из академии. Одним из них был Самуил Ситнятович-Петровский, который 8 июня 1656 г. принял постриг в Богоявленском монастыре под именем Симеон и до 1664 г. являлся дидакском (учителем) православной братской школы при монастыре. Симеон Полоцкий как просветитель, философ, литератор и переводчик оставил яркий след в культуре Беларуси и России, прославив родной Полоцк.

Пинское братство было создано по подобию Киевского и также пользовалось правом ставропигии, полученным от Константинопольского патриарха [11, с. 23]. В 1614 г. на средства шляхтянки Янины Галабурдиной и Пинского православного братства в городе была возведена Богоявленская церковь. Согласно собственного устава, члены братства должны были регулярно посещать богослужения, содержать приют для больных и престарелых (шпиталь), школу, заботиться о детях и вдовах умерших братчиков.

Игумены монастыря духовно опекали православные приходы, находящиеся на территории Пинской униатской епархии. Богоявленский монастырь оставался православным и в XVII в., являясь в это время одним из немногих центров православия в Беларуси.

Непродолжительное упрочение позиций православной церкви в Речи Посполитой отмечено в XVII в. благодаря универсалу короля Владислава IV. Так привилеией от 1633 г. подтверждал существование Виленского Свято-Духовского братства со школой и типографией [14], тем не менее его влияние и позиции в целом в городской жизни существенно ослабевают. В 1633 г. Пинское братство добилось у короля Владислава IV разрешения на строительство при храме монастыря, школы и больницы.

Также на основании привилея от 24 марта 1633 г. о возвращении православным отнятых униатами церковей было возрождено Брестское братство при православной церкви Рождества Богородицы с прежними правами, шпиталем и школой. В 1635 г. основывается Могилевское Богоявленское братство, монастырю которого особо покровительствовал могилевский бурмистр Тимофей Гапонович Козел [6, с. 89–90].

Братские школы находились на содержании братств, которое контролировали все стороны их деятельности. Зарплата учителей, предоставление помещения, его поддержание в порядке составляли обязанность братства. Братские школы, как правило, возглавлялись ректором. Плата за обучение была дифференцированной, богатые родители платили больше, а дети бедняков могли освобождаться от оплаты. Нередко оплата носила натуральный характер, могла вноситься хлебом, сеном, дровами и т. п. Полностью бесплатным было обучение в Виленской и Могилевской школах. В грамоте короля Речи Посполитой Сигизмунда III к могилевским мещанам за 1602 г. говорится: «В школе теж брацкой дети братьи уписное и убогих сирот, языка Русского, Греческого, Латинского и Полского, накладом брацким, даром учити повинны...» [4, с. 20]. «В грамоте патриарха Феофана (1620 г.) отмечено, что Минское Петропавловское братство «яко и иные братства старати же бы размножение хвалы Божей чрез науку в школе, которые мати мети на кгрунтах своих, языка грецкаго, славенскаго и латинскаго было» [6, с. 89].

Можно предположить, что обучение в братских школах начиналось на старобелорусском языке с постепенным переходом к церковнославянскому и греческому, а в старших классах изучался латинский и польский языки. В крупных школах (Виленской, Брестской, Могилевской) сразу были введены латинский и польский языки, постепенно их стали изучать и в остальных братских школах, что, с нашей точки зрения, явилось негативным последствием Брестской унии и привело к постепенному сужению сферы привычного «русского языка» местного извода. В Виленской школе обучали чтению, письму, грамматике, риторике, арифметике, церковному уставу с пением, священному писанию, географии, диалектике, астрономии и пяти

языкам, что сегодня может быть соотнесено с уровнем среднего школьного образования.

Сложная конфессиональная обстановка на белорусских и украинских землях привела к тому, что важным аспектом деятельности православных братств и характерной чертой городской культуры в XVI–XVII вв. стало создание произведений полемической литературы, ее обсуждение в братских школах, издание в братских типографиях. Полемические произведения определялись конфессиональными особенностями и не сводись к богословским спорам и разногласиям в понимании догматов и учений святых отцов. Основными дискуссионными вопросами были: кризис Церкви и необходимость нравственного восстановления священства, соотношение полномочий духовной и светской власти, роли братств в восстановлении авторитета церкви, права на участие в соборах и выборах духовных иерархов. Можно привести показательный факт об издании в 1610 г. «Фриноса» М. Смотрицкого в Виленской Святодуховской братской типографии, вызвавшего столь бурную дискуссию в обществе, что понадобилось издание королевских листов с приказом не только сжечь книги братской типографии, запретом продавать и покупать русские книги типографии под угрозой штрафа в 5000 золотых, но и наказанием автора, корректора и наборщиков заключением в тюрьму [6, с. 88]. Тем не менее полемика продолжала развиваться и способствовала обсуждению проблем места человека в мире и определила два основных пути «истинного существования»: первый – в монашеском смирении и аскезе, второй – в активной общественной жизни человека [19, с. 86–87]. Таким образом, собирая видных педагогов, теологов и философов, учебные заведения, принадлежащие разным христианским конфессиям способствовали развитию школьного образования и книгоиздательского дела, просвещения. Поэтому подавляющее число восточнославянских книг, напечатанных в XVI – первой четверти XVII в., приходится на столичную виленскую территорию и белорусские земли [4, с. 27]. Однако духовенство стремилось вернуть себе контроль над издательской деятельностью городских братств.

Особенностью новой волны возникновения братств было то, что до XVI в. братские организации создавались собственно мирянами. Но в течение XVI в. ситуация изменилась: духовенство, священники все чаще выступали инициаторами создания братств. Братства объединяли людей разных сословий духовного и светского звания. При этом в них преобладали мещане – ремесленники и торговцы. Многие братства обзаводятся богадельнями, приютами, госпиталями.

Благотворительность становится составной частью деятельности братств. О ее действительных размерах исследователям неизвестно, не сохранилось полноценных документальных источников. Но в предисловии к уставу виленского братства, утвержденного иерусалимским патриархом

Феофаном в 1620 г., обосновывается необходимость раздачи милостыни: «Подадите убо в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, во благочестии же братолюбие, во братолюбии же любовь» [18, с. 238].

Виленское братство стремилось максимально расширить количество братчиков, поэтому не устанавливало фиксированный взнос, величина которого могла явиться препятствием для новых членов: «може кто по силе з доброй воле и больше дати; бо не от скорби, не от нужды: доброхотна, бо дателя любит Бог» [18, с. 240].

Устав Виленского Троицкого братства обязывал братчиков оказывать помощь неимущим. Ни одно из братств не ставило своей целью содействовать ликвидации нищеты и бедности, помощь понималась как забота о «шпитале». Могилевское братство в уставе 1602 г. предусматривало материальную поддержку для больных и бедных братчиков, даровое обучение в братской школе детей братчиков и сирот, содержание ученых людей, духовных и светских, способных к проповедованию слова Божия и к обучению детей. Для оказания помощи вне круга братчиков предусматривалась раздача милостыни по госпиталям и тюрьмам, перед праздниками Рождества Христова и Пасхи [16, с. 339–340].

Функционирование сети братских школ приводило к развитию книгопечатания, типографского дела. Благодаря деятельности Ф. Скорины, Брестских типографий, Виленской, Несвижской типографий в Беларуси и Литве был приобретен значительный технический опыт типографской печати, в том числе мастерства гравюры. Гравирование стало относительно доступной отраслью ремесленного производства. Возникновение ряда частных типографий в 1590-е гг. было свидетельством формирования книжного рынка, увеличения спроса на печатное слово [20, с. 73].

Обилие литературных произведений нужно было донести до более широкого круга людей, и эта задача решалась с развитием книгопечатания, начало которому у восточных славян также связано с Беларусью. В 1517–1519 гг. Франциск Скорина напечатал в Праге «Библию Руску» и отдельно «Псалтирь». В 1525 г. он же в Вильне при поддержке Луки Мамонича (могилевчанин) и братьев Зарецких издал «Апостол» и «Подорожную книжицу» [4, с. 13]. Самые первые и сравнительно многочисленные типографии открылись в Вильне, Бресте, Евье (ныне Вевис – Литва), Заблудове (ныне Заблудув – Польша), Кутейно, Лоске, Буйничях, Несвиже, Гродно, Минске, Полоцке и др. Несколько позже появляются типографии в Москве и в Украине.

Виленская типография в 1595–1596 гг. (когда Виленское братство возглавлял С. Зизаний) напечатала не менее 11 изданий (более 2200 страниц).

Общую жанровую структуру братского книгопечатания XVI – первой половины XVII в. можно представить следующим образом: литургика, ста-

туты, догматическое богословие – 33 издания; Новый завет и Евангелия – 7; произведения древних писателей, Четья книга – 11; беллетристика, полемическая литература, панегирики – 8; учебники – 12; издания, которые использовались в литургии и книжном деле – 16 [20, с. 73]. Одну треть братских изданий составляли литургические тексты, что объяснялось преобладанием религиозного мировоззрения, необходимостью упорядочения системы богослужения и стремлением донесения религиозных постулатов до более широкого круга читателей.

Для братских изданий характерно проникновение в канонические тексты полемических или просветительских сюжетов. Такие включения отобразили как расширение круга сословно-профессионального читателей, так и стремление придать большую значимость мещанскому сословию. Впервые в церковно-религиозной литературе отмечалось, что немало «святых» и «мучеников» были «з купцов», «мытников», «жолнеров» [20, с. 74].

Краткой характеристики заслуживает и деятельность по заказу братств XVII в. белорусских мастеров-иконописцев, резчиков по дереву. Они создавали иконы и иконостасы для храмов обеих действующих тогда ответвлений белорусской церкви восточного обряда – православных и униатов. Принципиальных отличий между православными и униатскими иконами в Беларуси тогда не было. Можно лишь констатировать, что усилиями всех белорусских художественных центров – городов и местечек, православных и униатских монастырей, церковных братств Бреста, Пинска, Дисны, Друи, православных Могилева, Слуцка, Давид-Городка, а также усилиями белорусских педагогов, мыслителей, поэтов, писателей-теологов, талантливых иконописцев, мастеров резьбы по дереву, золочению, соломоплетению было сформировано то глубокое духовное начало и собственное художественное понимание гармонии и красоты узорчатости и объемной пластики белорусской иконы, иконостасов. Их самобытность является неотъемлемой частью национального историко-культурного наследия.

Мятущийся в своих религиозных противоречиях, прошедший через страдания сражений многочисленных войн XVII в. действительно стал веком зрелости белорусской духовности. Деятельность братств как одних из органов самоуправления, их руководства, особенно выдающихся их представителей, была одним из ключевых факторов формирования городской культурной среды и повышения уровня образованности мещан. Возросла популярность богослужений с просветительским уклоном, полемическая литература наводнила рынок, дискуссии об истинности веры стали частью жизни горожан в церкви, ратушах и рынках, на городских улицах и в семье, понуждая включаться в процесс религиозной самоидентификации и борьбы за право свободно участвовать в отправлении религиозных обрядов, ритуалов, церемоний в соответствии со своими религиозными убеждениями.

Список использованных источников

1. *Коялович, М. О.* Литовская церковная уния / М. О. Коялович. – Санкт-Петербург, 1859. – Т. I. – С. 80–108.
2. *Папков, А. А.* Братства, как мощная защита Православия вплоть до восстановления православной иерархии и в 1620 году (1600–1620) / А. А. Папков // Богословский вестник. – 1898. – Т. 1, № 1. – С. 26–52.
3. *Медынский, Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией / Е. Н. Медынский. – Москва, 1954. – 172 с.
4. *Мещеряков, В. П.* Братские школы Белоруссии (XVI – 1-я пол. XVII в.) / В. П. Мещеряков. – Минск, 1977. – 57 с.
5. *Галенчанка, Г. Я.* Брацкае кнігадрукаванне / Г. Я. Галенчанка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.; рэдкал.: Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 72–75.
6. *Фефелова, О. А.* Исторические источники по истории православных братств на территории Беларуси во второй половине XVI – первой половине XVII века / О. А. Фефелова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 9 (99), 2010. – С. 87–90.
7. *Дорофеев, Ф. А.* Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние / Ф. А. Дорофеев. – Нижний Новгород: НГУ, 2006. – 250 с.
8. *Лукашова, С. С.* Миряне и церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI века / С. С. Лукашова. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2006. – 320 с.
9. *Брич, С. В.* История Виленского православного Свято-Духовского братства: 1584–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. богословия: История Церкви и церковно-исторические дисциплины / С. В. Брич; Минская духовная академия. – Минск, 2016. – 34 с.
10. *Гаркович, Н. В.* Деятельность Стефана Зизания в контексте православного братского движения в Речи Посполитой: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 03 / Н. В. Гаркович; БГУ. – Минск, 2019. – 24 с.
11. *Барсук, А. Я.* Беларуска-ўкраінскія ўзаемадачынненні ў Рэчы Паспалітай: гістарыяграфічная рэканструкцыя / А. Я. Барсук. – Мазыр: УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2017. – 190 с.
12. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Эдуарда Праца, 1863. – 301 с.
13. Беларускія летапісы і хронікі: пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад. У. Арлова; праadm. В. Чамярыцкага. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1997. – 432 с.
14. Православие.by. – URL: http://www.pravoslavie.by/page_book (дата доступа: 16.01.2025).

15. Акты, относящиеся к истории западной России, собр. и изд. Археогр. Комиссиею: в 5 т. – Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца, 1846–1853. – Т. 4: 1588–1632. – 1851. – 584 с.

16. Папков, А. А. Братства, как мощная защита Православия вплоть до восстановления православной иерархии и в 1620 году (1600–1620) / А. А. Папков // Богословский вестник. – 1898. – Т. 1, № 3. – С. 335–364.

17. Древнейшие города Беларуси. Полоцк / редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.). – Минск: Беларус. наука, 2012. – С. 232–237; с. 488–501.

18. Голубев, С. Т. Устав виленского братства // Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. – Киев: тип. Корчак-Новицкаго, 1883. – Т. 1: Приложение № 36. – С. 235–256.

19. Барсук, Е. Е. Историческое знание и историческая память белорусов в XV–XIX веках / Е. Е. Барсук. – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023. – 168 с.

20. Галенчанка, Г. Я. Брацкае кнігадрукаванне / Г. Я. Галенчанка // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 72–75.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

C. S. Yurecki

Цэнтральная навуковая бібліятэка, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск

S. S. Yuretski

The Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 903.02'1»634»:902.01(476-14)»195/199»:930.1]

КУЛЬТУРЫ І КЕРАМІКА Ў АРХЕАЛОГІІ 1950–1990-Х ГГ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЭПОХІ НЕАЛІТУ БЕЛАРУСКАГА ПАНЯМОННЯ)

CULTURES AND CERAMICS IN 1950s–1990s ARCHEOLOGY (EXEMPLIFIED BY THE NEOLITHIC ERA OF THE BELARUSIAN NEMAN REGION)

Публікацыя прысвечана вывучэнню вызначэнняў «культура» і звязанага з ім «кераміка» ў даследаваннях па археалогіі, якія праводзіліся ў 1950–1990-я гг. Матэрыялам для аналізу сталі працы вучоных па тэматыцы эпохі неаліту з тэрыторыі Беларускага Панямоння. У артыкуле разглядаецца шчыльная ўзаемасувязь вывучэння вучонымі керамічнага матэрыяла з абгрунтаваннем вылучэння археалагічных культур ў гістарыяграфіі. Указваецца таксама на змены ў даследчых падыходах пры даследаванні